

В. Е. Чуров¹

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ГОРОДА, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТНЕГО

Люблю фотографировать старые кварталы в тех городах, в которых доводится бывать по службе. С конца XX века все больше городов исчезает, и фотографирование старых зданий — это всего лишь безнадежная попытка сохранить в памяти то, что невозможно сохранить в натуре. Очень быстро исчезают Петербург, последние остатки моей Москвы, Одесса, Лондон, Париж, старая французская Касабланка, на улицах которой великолепные образцы архитектуры 1910–1940-х годов фотографируют только русские. Об этом нам с женой сообщили интеллигентные женщины на пороге одного из великолепных обветшавших зданий в стиле модерн.

Кажется, несколько лет назад пообещали разрешить снести 42 тыс. домов в исторической части Петербурга. Один из прежних мэров Одессы обосновал новую застройку города тем, что якобы весь песчаник, использовавшийся при строительстве Одессы, за сто лет утратил свои прочностные качества.

Вместе с городами исчезает их высокая культура. При всем моем восхищении великолепной акустикой и удобством нового здания Мариинского театра в нем нет и уже не будет петербургской/ленинградской культуры. Ровно так же как в Опера Бастилии, в отличие от старой «Гранд-опера», нет парижской культуры и уже никогда не будет.

Зависит ли сохранение города от людей, живущих в нем? Практически нет. В сосуществовании города и его обитателей город всегда был главным. В Ленинграде/Петербурге в XX веке население полностью обновилось три раза: после Гражданской войны, ссылок 1920–1930-х годов и блокады. Однако каждая новая волна переселений попадала под влияние великого города, и эти люди становились ленинградцами-петербуржцами. Так же как население Одессы в XX веке несколько раз полностью заменялось, и каждый приезжавший человек, новый житель Одессы, проникался духом этого города. Сейчас этот процесс прекратился.

Вместе с городом исчезает часть истории. Фасад здания можно восстановить в прежнем виде, но внутри уже нет лестниц, по которым ходили наши предки: известные, не очень известные и совсем неизвестные. Нет перил, которых касалась их рука, нет дверей, которые они открывали, нет половиц, по которым они ступали, нет печей и каминов, у которых они грелись.

Особенно печальна в исчезающих городах судьба их исторических центров. В мире существуют две мо-

¹ Председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, профессор СПбГУП. Автор свыше 60 научных публикаций, в т. ч.: «Голосует вся Россия: о правовых и организационных особенностях грядущих выборов», «Избирательное законодательство и выборы в современном мире», «Демократия и культура: проблемы взаимовлияния избирательных систем и национальных культур» и др.; свыше 150 очерков, нескольких научно-художественных произведений и рассказов: «Тайна четырех генералов», «Путешествие с гвардии генерал-майором артиллерии Владимиром Иосифовичем Брежневым от Будапешта до Вены», «Корзина со старыми театральными программками», «Рассказы Джона Сильвера», «Рассказы старого дворника» и др. Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Александра Невского.

дели деградации. Первая — когда помещения для канцелярской работы, магазины, рестораны, банки вытесняют из центра города живших там людей и центр превращается в нечто подобное лондонскому Сити, совершенно нечеловеческому месту. Вторая модель деградации, которую я воочию наблюдал в Лиме и Касабланке, — когда состоятельные люди переселяются на окраины в комфортабельные новые дома и виллы, а в центре города остаются или поселяются те, у кого нет средств на содержание и поддержание в порядке исторических зданий. И дома стоят (если только их не реставрируют на средства ЮНЕСКО, или короля, или Общества охраны памятников) с выбитыми окнами, осыпающимся фасадом, облепленным проводами разного типа...

С исчезновением городов исчезает наша память. Я всегда считал и считаю, что история любого государства, любого города складывается из историй семей, живших в этой стране, в этом городе. Для меня важно постоять перед домом, в котором жили мои предки. Это, наверное, для всех важно. Дом, где жили мои дед и бабушка в Москве на Смоленской набережной, пока стоит, но он превратился в обиталище богатых новых русских и иностранок. И теперь во двор, где я играл в детстве, не пройти, потому что его огородили решетками с цифровыми замками. Стоит и дом на Мичуринской в Петербурге/Ленинграде, около «Авроры», где я жил в детстве до 1959 года. Но дом на Песках, где жил мой двоюродный дед, Павел Андреевич Чуров, чиновник Министерства уделов, попал в зону сноса, хотя мог бы простоять не одну сотню лет.

Исчезновение городов обуславливает снижение интереса к чтению литературных произведений прошлых лет. Хорошая книга всегда содержит описание места действия. При этом неважно, это Достоевский или Лео Мале с его циклом детективных романов о парижских арондисманах. Читать эти книги сейчас очень сложно, потому что Париж времен Лео Мале исчезает, Петербург времен Достоевского исчезает, даже и роман «Дети Арбата» читать сложнее, когда в заповедной зоне Москвы снесено столько домов.

Города — это основа основ мировой культуры. Исчезновение городов в том смысле, который я вкладываю в этот термин, означает быструю и очевидную деградацию мировой культуры. Недавно, комментируя появление нелепого «списка Магнитского», я сказал, что составление проскрипционных списков всегда было уделом негодяев типа Нерона, Гитлера или Ежова. Но есть цели, ради которых стоило бы объединить усилия всех разумных людей в мире. Таких целей я могу назвать три. Во-первых, борьба с международным терроризмом, чтобы мы могли вернуться к прежней спокойной и комфортной жизни без унизительных досмотров в аэропортах и т. д. Во-вторых, борьба с экономическим кризисом за сохранение того уровня достатка, который необходим культурному человеку для покупки билетов в театр, книг, общения

с друзьями, путешествий. В-третьих, необходимо объединиться в борьбе с волной бескультурья, которая уже достигла размеров цунами и обрушивается на остатки старой цивилизации, сплотиться в борьбе за сохранение классического языка, литературы,

театра, музыки, всего того, к чему привыкли культурные люди.

Может быть, с этими тремя проблемами человеческая цивилизация и справится, но боюсь, что я до этой счастливой поры уже не доживу.